

МОЖЕТ быть, никому читателю эта мысль покажется слишком претенциозной, но мы глубоко убеждены, что театр олицетворяет культуру города, является его эстетической базой. Театр будоражит умы, воспитывает, идейно лавирует, просвещает и щедро дарит людям сокровища мировой культуры, несет в массы пламенное слово партии.

Почетная это, ответственная и трудная должность — быть артистом, быть активным пропагандистом лучших идеалов человечества. И мы прекрасно отдаем себе отчет в том, что от нас самих, от нашего мастерства, от творческой зрелости нашей зависит успех работы, боевая мощь нашего идеологического оружия. И именно озабоченность этим побудила нас взяться за перо. Надо вынести сор из избы, чтобы чище стало в избе. Надо, в конце концов, откровенно ответить на один давно назревший вопрос: почему так неустойчив творческий авторитет театра, почему так часто пустует зал, почему в родном городе такое «неродное» отношение к нашему коллективу?

Часто говорят, во многом повинны мы сами, так как притупилось у нас чувство ответственности перед зрителем. Несколькими, так сказать, свежих фактов. 20 февраля. Зал переполнен. Идет «Овод». Спектакль глубокий, драматургически трудный, и сам по себе факт постановки этого выдающегося произведения Войнич является заслугой коллектива, его серьезной творческой заявкой. Но в зале гул недовольства. Некоторые зрители уходят. Директор в своем кабинете отражает натиск делегации из возмущенной публики. А мы, актеры, краснеем. Нам стыдно людям смотреть в глаза. Наш товарищ артист Сонов вышел на сцену, а у него заплетается язык, он еле стоит на ногах. Помните сцену: Артур в тюрьме? Так вот, когда Сонов пытался изобразить на пьяном лице муки душевных страданий, кто-то в зале бросил реплику: «Самого артиста я выпрезвитель надо...» Какое кощунство — играть Овода в пьяном виде!

Недавно в Херсоновке мы должны были поставить «Не все коту масленица» Островского. Распродали билеты. Артисты загримировались. И тут выяснилось, что заведующий постановочной частью погрузил на машину не тот режизит. Спектакль пришлось отменить. Возмущению публики не было предела. А мы почти до утра просидели кто в холодном автобусе, кто в неотапливаемом клубе.

А сколько раз подводил коллектив актер Анатолий Волков. Во время гастролей в Георгиевском районе он запил и сорвал спектакль. В срочном порядке пришлось вызывать из Черкесска Давыдову и провозводить замену. Ясно, что коллектив оказался буквально выбитым из колеи, что все перенервничали, играли без вдохновения, без подъема.

Шила в мешке не утаишь. И подобные факты тоже не скроешь, они быстро становятся достоянием публики. И, конечно, не способствуют укреплению авторитета нашего театра.

А ведь не так давно Черкесский драматический театр считался солидным творческим коллективом. Мы ставили в Ставрополе десятки спектаклей, и они шли с немалым успехом. Нам гостеприимно встречали на Кавказе, и мы были не худшими, хотя имели довольно солидных конкурентов. В чем же дело, почему теперь мы ищем публику «попроще», ездим в самые отдаленные уголки и тем не менее, не всегда удовлетворяем даже не слишком взыскательного зрителя? Здесь следует оговориться: то, что мы бываем в самых отдаленных селах и аулах, это — хорошо. Но мы озабочены тем, что значительно снизилось качество спектаклей, что разочаровываем жителей не только крупных городов, где культурный уровень населения достаточно высок, но даже и в районных центрах терпим провалы. Стыдно вспомнить, какими были гастроли в прошлом году!

Мы много думаем об этом, много говорим. Но до сих пор не выяснили, в чем корень зла. А причина многих наших неудач все-таки в том, что у нас творческая работа целиком подчинена интересам коммерции. Паян, понятно, нужно выполнять. Театр, конечно, не может быть изжива-

ем у государства. И все-таки нельзя в угоду кассе халтурить, готовить спектакли наспех, выбирать пьесы, какие полегче, попроще, так, чтобы число действующих лиц равнялось количеству мест в автобусе.

Спрашивается, зачем нужно было ставить «Солнечный дом»? Получилась эта пьеса сразу после войны. В свое время она была и актуальной, и злободневной и, безусловно, сыграла свою положительную роль. Но это далеко не классическая вещь и, право, не стоило отряхивать пыль с ее желтевших страниц только потому, что А. Нагайцев ставил ее когда-то, и режиссеру Поддубному не составляло особого труда воспроизвести ее вновь. Зритель пьесу не принял, хотя мы спок раз навязывали ее людям. Да и работа над ней не принесла актерам никакого творческого удовлетворения.

Вообще репертуарный план театра нуждается в серьезной критической оценке. Сейчас мы разделены на четыре группы и направляемся в длительную гастрольную поездку. Что повезем мы людям? «Не все коту масленица»

иные сценические данные давно поставили ее в ряд ведущих актрис. И. В. Уколова — одаренная актриса высокой квалификации. Бесконечно любит свое дело, представляется к присвоению высшей актерской категории со ставкой 150 рублей в месяц...

И это «медовое» сочинение подписал... муж И. Уколовой директор театра А. Нагайцев. Неужели не ясно было человеку, что подобное родственное славословие оскорбляет коллектив, что оно, по меньшей мере, нескромно.

Любой коллектив не может быть однородным. Одни большие таланты, другие — меньше. Одни достигли своего апогея, накопили определенный сценический опыт, как говорят, творчески созрели, другие только делают первые шаги, только расправляют крылья. Процесс естественный и неизбежный. Но и так называемые звезды, и те, кто делает свои первые шаги, достойны одинакового человеческого уважения. Хотя бы потому, что молодым труднее, что они участвуют, на старших глядя. И здесь нужна чуткая поддержка товари-

ща, а не грубый окрик и даже откровенный зажим.

А Нагайцев может быть и предуредительным, и вежливым, и добрым. Как-никак — актер. Но эти

добродетели распространяются далеко не на всех. На это есть избранные. И получается по Крылову: «Купюшка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку». Взаимные комплименты, взаимное восхваление. Чрезмерное и приторное. А на долю многих рядовых актеров — грубость, администрирование, второстепенные роли, прозябание в теля. Молодые актрисы рисуют себе морщины, играют старух, пожилые тщетно стараются затупевать морщины, играют молодых героинь, а зрителю смешно.

Именно в самом стиле руководства коллективом кроются многие наши беды: недисциплинированность, шушуканье, панибратство. Тот же Сонов, актер, безусловно, способный, не заболел бы завязанством, если бы не видел, что и директор, и его фавориты-друзья прикалываются и спиритному, если бы чувствовал себя в дружном, требовательном, спаянном коллективе. Не уехали бы из Черкесска хорошие, опытные актеры — супруги Сивянины, если бы их не травмировала, не возмущала нездоровая обстановка в нашем театре, если бы они находили творческое удовлетворение в работе.

Серьезный моральный урон коллективу наносят дисквалифицированные актеры, летуны, скомпрометировавшие себя в других театрах страны. В Черкесске любых принимают, потому что у А. Нагайцева свой принцип в вопросах подбора кадров:

— Ну и что с того, что пьяница? Поработает месяц — другой, запьет — уволим. Квартир же нет, кто к нам порядочный приедет?

Нет уж. Лучше опираться на своих, пусть не очень одаренных, но надежных. А мастерство — дело вечное.

Конечно, у многих наших актеров крайне неблагоприятные жилищно-бытовые условия. Актер Аджиев живет в мужском общежитии, а его жена с ребенком актрисы Селезнева — в женском. Сколько неудобств они терпят — сказать трудно. Но, к сожалению, горисполком совершенно не реагирует на неоднократные просьбы общественных организаций театра. Областное управление культуры и его начальник тов. Балов тоже должны более конкретно руководить театром.

Мы надеемся, что горисполком и областные организации окажут нам конкретную помощь, хотя и не берем на себя смелость говорить от имени всего коллектива. Но мы убеждены, что Карачаево-Черкесский областной драматический театр может и должен воспроизвести свой бывший творческий авторитет. В общем-то коллектив в театре хороший, немало у нас скромных, способных актеров, подлинных тружеников сцены. Лидия Озова, Амбий Аджиев, Владимир Шумаков, Виталий Никаноров, Надежда Уколова, Александр Козел и многие другие горячо любят искусство, служат ему верой и правдой. С такими можно многое сделать. Надо только найти в себе мужество признать, что обстановка в нашем театре нездоровая. Коллективу нужно помочь.

Е. ИЗМИРОВА,
заслуженная артистка РСФСР.

Л. ЗЕМЦЕВА,
актриса, член КПСС.

ЗА КУЛИСАМИ...

ЧТО ВИДИТ И ЧЕГО НЕ ВИДИТ ЗРИТЕЛЬ

и «Белые деньги» Островского, «Овод» и пьесу на карачаевском языке «Муж моей жены». Как видите, в репертуаре ни одного спектакля, посвященного нашему современнику. Слов нет, мы должны пропагандировать классику, но не слишком ли мы увлекаемся ею? Не выбираем ли мы путь, который «протоптанней и легче»? Все-таки наши горячие будни, проблемы сегодняшнего дня должны быть в центре внимания театра. А у нас единственная значительная работа на современную тему — «Ледяной клад» Сартанова. Но пьеса эта не транспарентна и не подходит для наших спешных гастрольных набегов.

Разделение коллектива на четыре группы (чтобы одновременно по четырем направлениям наполнялась театральная касса) — это далеко не самая благоразумная затея. Разобщенность серьезно затрудняет режиссерскую работу, порождает определенную бесконтрольность с точки зрения дисциплины и создает у зрителей довольно-таки нелестное представление о театре. Группы эти, как правило, малочисленны (в спектакле «Не все коту масленица» занято всего пять актеров), декорации настолько «портативно-примитивны», что стыдно их ставить на сцену. К концу гастролей такие, с позволения сказать, декорации вообще превращаются в грязные тряпки. А зритель верит афише, он идет на театральное представление и хочет, чтобы на сцене было все «как в театре».

Нет, не теми методами боремся мы за выполнение плана. Прежде всего, репертуар и качество спектаклей должны «работать» на кассу. И, разумеется, авторитет театра. Если коллектив завоевал популярность, если на сцене не ремесленники, а вдохновенные мастера своего дела, будут в зале люди и овации, будут и цветы, к которым мы, увы, не привыкли.

Но о какой кропотливой работе над ролью может идти речь, если на постановку «Не все коту масленица» было отведено всего 17 дней?

Актер должен видеть перспективу, должен янать, на год вперед, какие пьесы будет ставить театр, чтобы как-то готовить себя к этому, чтобы надеяться на какую-то роль, но мы, как правило, работаем вслепую.

Следует открыто сказать о некоторых нездоровых явлениях в нашем коллективе. Есть у нас привилегированная группа, которая пользуется особой материальной и моральной поддержкой со стороны директора. Это вызывает ненужные кривотолки, травмирует коллектив.

Давно известно, что чрезмерное восхваление никогда не приносит пользу. Но вот цитаты из творческой характеристики актрисы Надежды Уколовой:

«Актриса, выдающаяся по своим сценическим данным и высоким художественным мастерством (мы полностью сохраняем все особенности грамматики и стиля этого документа), обладающая яркой творческой индивидуальностью, исполняющая главные роли, получающая признание во всесоюзном масштабе... Высокая одаренность, большая работоспособность, хоро-